

Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа

Аннотация. Актуальность исследования правового регулирования трансграничной несостоятельности в условиях современных трансформаций и тенденций значительно возрастает. В частности, вывод Верховного Суда РФ о возможности банкротства на территории Российской Федерации иностранных юридических лиц вновь обращает внимание на необходимость специального правового регулирования данной категории трансграничных споров. В этой связи необходимо определить оптимальный способ унификации ключевых аспектов правового регулирования трансграничной несостоятельности в Российской Федерации с учетом современных вызовов и тенденций. Вопрос целесообразности разработки международного многостороннего договора специальной компетенции либо пересмотра позиции о формировании отдельного нормативного правового акта на уровне национального законодательства — ключевой для настоящего исследования. Автором проведен сравнительный анализ нормативных основ и практики признания иностранных банкротств в разрезе опыта зарубежных стран и Российской Федерации для выделения ключевых точек соприкосновения и различий в регламентации трансграничной несостоятельности на территории разных стран и для сравнения исследованного опыта с предпосылками формирования полноценной модели правового регулирования трансграничной несостоятельности в России. По результатам компаративистского анализа формируется вывод о целесообразности разработки специального международного многостороннего соглашения по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность; иностранное банкротство; признание иностранных судебных решений; экстерриториальный эффект; правовое регулирование; международное частное право; универсализм; модель регулирования; публичный порядок; основания признания.

Для цитирования: Скопцова Е. И. Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 161–171. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.161-171.

© Скопцова Е. И., 2025

* Скопцова Екатерина Ивановна, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
skoptsova.ekaterina@yandex.ru

Recognition of Foreign Court Decisions in Cross-Border Insolvency Cases: A Comparative Analysis

Ekaterina I. Skoptsova, Postgraduate Student, Department of Private International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
skoptsova.ekaterina@yandex.ru

Abstract. The relevance of studying the legal framework for cross-border insolvency is significantly increasing amid contemporary transformations and global trends. In particular, the recent ruling by the Supreme Court of the Russian Federation on the possibility of bankrupting foreign legal entities within Russian jurisdiction has revived the debate on the need for specialized legal regulation of such cross-border disputes. This necessitates identifying the optimal approach to harmonizing key aspects of cross-border insolvency regulation in Russia, taking into account modern challenges and international developments. The core scientific issue addressed in this research is whether it is more appropriate to develop a specialized multilateral international treaty or to revise the current approach of creating a separate national legislative framework. The author conducts a comparative analysis of regulatory frameworks and practices concerning the recognition of foreign insolvency proceedings, drawing on the experiences of foreign jurisdictions and the Russian Federation. This analysis identifies both commonalities and divergences in cross-border insolvency regulation across different countries, comparing these findings with the prerequisites for establishing a comprehensive legal model for cross-border insolvency in Russia. Based on the comparative analysis, the study concludes that developing a specialized multilateral international agreement governing the recognition and enforcement of foreign insolvency judgments would be the most effective solution.

Keywords: cross-border insolvency; foreign bankruptcy; recognition of foreign judgments; extraterritorial effect; legal regulation; private international law; universalism; regulatory model; public order; grounds for recognition.

Cite as: Skoptsova EI. Recognition of Foreign Court Decisions in Cross-Border Insolvency Cases: A Comparative Analysis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):161-171. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.161-171.

Трансграничная несостоятельность остается крайне сложным и вызывающим множество вопросов явлением. Несмотря на активную научную разработку темы зарубежными исследователями, такими как К. Андерсен (K. Andersen)¹, Х. Л. Баксбаум (H. L. Buxbaum)²,

С. Л. Баффорд (S. L. Bufford)³, М. Бальц (M. Balz)⁴, Л. Бебчук (L. Bebchuk)⁵, Дж. Л. Вестбрук (J. L. Westbrook)⁶, М. Виргос (M. Virgós)⁷, Ф. Р. Вуд (P. R. Wood)⁸, Дж. Дж. Спигельман (J. J. Spigelman)⁹, И. Флетчер (I. Fletcher)¹⁰, в отечественной доктрине тема предоставляет зна-

¹ Andersen K. The cross-border insolvency paradigm: a defense of the modified universal approach considering the Japanese experiment // *University of Pennsylvania Journal of Economic Law*. 2000. No. 20.

² Buxbaum H. Rethinking International Insolvency: The Neglected Choice-of-Law Rules and Theory // *Stanford Journal of International Law*. 2000. Vol. 36. No. 23.

³ Bufford S. L. Global Venue Controls Are Coming: A Reply to Professor LoPuck // *American Bankruptcy Law Journal*. 2005. No. 79.

⁴ Balz M. The European Convention on Insolvency Proceedings // *American Bankruptcy Law Journal*. 1996. No. 70.

⁵ Bebchuk L., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // *Journal of Law & Economics*. 1999. Vol. 42.

⁶ Westbrook J. Theory and Pragmatism in Global Insolvencies: Choice of Law and Forum // *American Bankruptcy Law Journal*. 1991. No. 65.

⁷ Virgós M., Garcimartín F. The EC Regulation on Insolvency Proceedings : A Practical Commentary. The Hague : Kluwer Law International, 2004.

⁸ Wood P. R. The Bankruptcy Ladder of Priorities // *Business Law International*. 2013. No. 14.

чительное поле для исследования. Несомненно, следует указать на ряд крайне важных и значимых для науки специальных исследований, осуществленных С. В. Бахиным¹¹, А. А. Костиным¹², Е. В. Моховой¹³, А. А. Рягузовым¹⁴, однако представляется, что указанный научный дискурс необходимо активно расширять и развивать, особенно в свете интенсификации внешне-экономических связей Российской Федерации, изменения рынков экономической активности и качественной трансформации устоявшейся позиции российских судов о компетенции на рассмотрение такого рода споров.

Следует сказать о том, что российским правом порядком длительное время не уделялось должного внимания проблеме трансграничной несостоятельности, а проект федерального закона, подготовленный Министерством экономического развития РФ в 2010 г., был и вовсе отклонен, в том числе по причине несоответствия, с одной стороны, экономическим интересам государства, а с другой — отечественной правовой традиции. Действительно, анализ экспертных заключений, сформированных в период рассмотрения проекта данного федерального закона в 2011 г., свидетельствует об опасениях относительно закрепления на уровне национального законодательства Российской Федерации любых нормативных предписаний, касающихся трансграничной несостоятельности, способных оказать влияние на баланс интересов Российской Федерации и зарубежных государств. Такие опасения небеспочвенны: по состоянию на

2010–2011 гг., и правда, устойчивой статистики попыток инициирования банкротства иностранных организаций на территории Российской Федерации не прослеживалось, в то время как деятельность транснациональных корпораций с участием российских лиц только зарождалась и не вызвала значительных опасений и необходимости особого регулирования. Кроме того, до принятия столь значимого решения крайне важно было обеспечить независимость и определить границы юрисдикции российских судов, поскольку принятие нормативных предписаний формировало не только ряд преференций в отношении иностранных субъектов и активов, но и значительный ряд ограничений, в особенности необходимость применения иностранного права в случае открытия основного производства по делу о трансграничной несостоятельности на территории иностранного государства, а также возможный риск нарушения публичного порядка Российской Федерации.

На момент рассмотрения проекта экспертам представлялось наиболее безопасным, но в то же время действенным способом регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничной несостоятельности, заключение двусторонних соглашений, закрепляющих указанный пул вопросов. Однако к 2024 г. стало абсолютно ясно, что указанный путь отнюдь не панацея. По состоянию на 2024 г. не только не подписано ни одного специального двустороннего соглашения между Российской Федерацией и иным государством, но и заключенные ранее двусторонние

⁹ *Spigelman J. J.* International commercial litigation: An Asian perspective // *Australian Business Law Review*. 2007. No. 10.

¹⁰ *Fletcher I. F.* International insolvency at the crossroads: a critical appraisal of current trends // *Foundations and Perspectives of International Trade Law* / I. F. Fletcher, L. Mistelis and M. Cremona (eds.). London : Sweet & Maxwell, 2001.

¹¹ *Бахин С. В., Леонтьева Е. А.* Международно-правовая унификация регулирования трансграничной несостоятельности // *Журнал международного частного права*. 2001. № 4 (34). С. 15–42.

¹² *Костин А. А.* Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи: анализ российского и иностранного опыта // *Закон*. 2022. № 5. С. 75–92.

¹³ *Мохова Е. В.* Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // *Закон*. 2016. № 5. С. 137–149.

¹⁴ *Рягузов А. А.* Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

соглашения о правовой помощи в условиях санкционного противостояния подвергаются денонсации (например, Договор о правовой помощи 1992 г. с Литвой).

Отрицание необходимости закрепления хотя бы минимального стандарта правовых оснований в отношении споров по делам о трансграничной несостоятельности приводит лишь к ограничению юрисдикции как отечественных, так и иностранных судов в отношении активов иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации, а также трудностям в признании решений российских судов в связи с транспонированием на такие решения критериев определения юрисдикции, характерных для того государства, где истребуется признание.

Помимо этого, под влиянием санкционных ограничений 2022–2024 гг. и фиксации фактов реального ущемления прав российских граждан и юридических лиц на доступ к правосудию в иностранных юрисдикциях приходится признать трансформацию устоявшегося порядка рассмотрения споров о банкротстве иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации: в настоящее время отечественная модель всё больше склоняется к принципам универсализма и анализа наличия тесной связи.

На основании вышеуказанного необходимо вернуться к вопросу определения допустимого и оптимального для Российской Федерации пути разрешения проблемы трансграничной несостоятельности. Решение данного вопроса невозможно без проведения практико-ориентированных научных исследований опыта разных стран в правовом регулировании трансграничной несостоятельности, в особенности практики признания иностранных банкротств, для выявления сходства и отличительных черт национального регулирования института трансграничной несостоятельности и возможности выделения универсальных компонентов такой регламентации.

С целью анализа определены четыре правовые семьи: романо-германская, англосаксонская, социалистическая и мусульманская. Данные правовые семьи выбраны неслучайно: первые две — наиболее крупные по представленности стран мира, последние две представ-

ляют интерес для Российской Федерации, т.к. местные юридические лица имеют тесные экономические связи с российскими, а в условиях санкционных ограничений восточное направление — перспективная сфера капиталовложений российских инвесторов, а следовательно, и поле возможных рисков.

Методологической основой сравнительного исследования является анализ российского и зарубежного законодательства, судебной практики и специальной литературы. На основании собранной информации отмечены следующие тенденции и закономерности.

Прежде всего, в странах романо-германской, англосаксонской, социалистической и мусульманской семей отмечаются различия в толковании сущности механизма несостоятельности. В романо-германской правовой семье несостоятельность в первую очередь выступает механизмом коллективного удовлетворения и справедливой защиты прав кредиторов. В англосаксонской — несостоятельность воспринимается как механизм реабилитации должника. В социалистической правовой семье длительное время механизм несостоятельности был применим исключительно к предприятиям всенародной собственности и рассматривался как механизм сохранения и укрепления народного хозяйства, но в связи с потребностями современного экономического оборота в практике китайских судов появились кейсы и с несостоятельностью частных юридических лиц. В мусульманской правовой семье несостоятельность также механизм удовлетворения требований кредитора, но в случае неспособности должника погасить долг, он может перерасти в карательный механизм, поскольку такой должник может быть привлечен к уголовной ответственности. Для Российской Федерации справедливо утверждение о том, что несостоятельность — это сложное социально-экономическое явление, выражающееся как в особом экономическом положении должника, так и в его особом правовом статусе по отношению к кредиторам и третьим лицам.

Вопрос признания иностранных банкротств тесно связан и напрямую вытекает из проблемы признания иностранных судебных решений. Если в континентальной правовой семье при-

знание иностранных банкротств допускается исключительно при условии вынесения судами соответствующего решения (получения экзекватуры), то в странах англосаксонской правовой семьи зачастую юридическая сила иностранного решения по делу о трансграничной несостоятельности признается автоматически, в силу признания юрисдикционной компетенции иностранного суда. Хотя, разумеется, необходимо сделать оговорку о том, что для принудительного исполнения все равно потребуются обратиться в местный суд.

Интересным представляется анализ мусульманской правовой семьи. В Саудовской Аравии Положение о банкротстве было введено в действие Королевским указом от 14.02.2018 № М/50, а Правила его применения были изданы 4 сентября 2018 г. 329 статей направлены на регулирование несостоятельности. В свою очередь, они дополняются различными нормативными актами, изданными Министерством торговли, Министерством юстиции и Комиссией по делам о банкротстве.

Единственными международными договорами о взаимном исполнении судебных решений, стороной которых выступает Саудовская Аравия, являются Договор Лиги арабских государств об исполнении судебных решений, подписанный в Эр-Рияде 16 апреля 1983 г., и Конвенция Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива об исполнении судебных решений 1996 г.

Традиционно суды Саудовской Аравии отказывались признавать решения, вынесенные в юрисдикциях, не имеющих договоров о взаимном исполнении решений с королевством, последний раз в 2018 г. вынесен отказ в признании решения английского суда. Такой результат был обусловлен ограничением пределов применения категории «взаимность»: наличие взаимности признавалось аравийским судом исключительно в случае наличия международного договора или двустороннего соглашения о правовой помощи.

В то же время в Объединенных Арабских Эмиратах ситуация несколько иная. Здесь действуют одновременно два правовых режима, которые потенциально применяются в ситуа-

циях трансграничной несостоятельности. Гражданско-правовой режим ОАЭ, действующий на основной территории страны, не устанавливает специального порядка признания иностранного решения по делу о несостоятельности, на такие решения будут распространяться общие, универсальные положения Гражданского процессуального закона о приведении в исполнение иностранных судебных решений, не учитывающие специфику банкротных споров. Вместе с тем для двух специальных зон — Dubai International Financial Centre (DIFC) и Abu Dhabi Global Market (ADGM) — существует иной порядок признания, основанный на положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ, воспринятых Законом о несостоятельности ОАЭ. В результате закрепления такого режима признания, несмотря на жесткие критерии признания решений иностранных судов в ОАЭ, на территории особых экономических зон сложилась современная и передовая практика, соответствующая международным принципам и тенденциям, которая значительно повысила ценность указанных территорий для иностранных инвесторов со всего мира и интерес к ним. Показательным примером является недавняя редомициляция компаний NMC, ранее базировавшихся в ОАЭ, в ADGM с целью получения возможности реализации процедуры несостоятельности в соответствии с принципами Типового закона ЮНСИТРАЛ.

В Китае вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по делам о трансграничной несостоятельности разрешаются с применением специального закона, Закона о банкротстве КНР, и Гражданского процессуального закона КНР. Основания для признания в целом сходны с основаниями, закрепленными в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что отнюдь не случайно, поскольку гражданское законодательство КНР и России достаточно близко, что во многом обусловлено и общими корнями — влиянием советского законодательства. Для признания иностранных судебных решений необходимо представить доказательства, что иностранное судебное решение обладает юридической обязательной силой и подлежит исполнению на территории государства,

которое его вынесло. Признание может быть осуществлено с использованием двух возможных оснований: действующего международного соглашения о правовой помощи (таких у КНР заключено уже более 39), предусматривающего взаимное признание судебных решений, или наличия взаимности.

Признание иностранных банкротств не может нарушать основных принципов внутреннего законодательства или посягать на общественные интересы, угрожать национальной безопасности, ущемлять законные права и интересы кредиторов на территории КНР, т.е. противоречить публичному порядку КНР. Пожалуй, это один из примеров наиболее полной и точной формулировки публичного порядка.

Протоколом заседания совета Верховного народного суда по делам о несостоятельности 2018 г. закреплено, что Китай стремится использовать новый подход к применению принципа взаимности¹⁵, что ознаменовало готовность перехода Китая от обособленного и закрытого развития к открытости в международных отношениях и в скором времени отразилось на судебной практике — в виде смягчения позиций китайских судов и увеличения числа признанных на основе критерия взаимности решений иностранных судов. Следует отметить, что благодаря данной инициативе Китаю удалось значительно улучшить статистику признания решений китайских судов за рубежом (признание судом США решения по делу Zhejiang Topoint Photovoltaic Co, Ltd., Reward Science and Technology Industry Group, признание в Гонконге — по делу CEFC Shanghai International Group Limited и др.).

Обращаясь к опыту Российской Федерации, следует отметить, что признание иностранных банкротств в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» возможно при соблюдении следующих условий: наличие международного договора или

соблюдение принципа взаимности¹⁶. При этом наблюдается ряд проблемных аспектов:

Во-первых, ввиду отсутствия специальных международных договоров, в том числе и двусторонних, российскому суду приходится проводить анализ допустимости использования того или иного международного или двустороннего соглашения о правовой помощи для банкротного спора. Например, в постановлении от 31.07.2023 по делу № А40-25652/2023 Арбитражным судом Московского округа при рассмотрении кассационной жалобы должника на решение Арбитражного суда г. Москвы о признании решений суда Республики Армении по заявлению управляющего по делу о банкротстве были использованы ссылки на Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20.03.1992. Обращаясь к данным актам, суд указал на соблюдение внешним управляющим требований, предъявляемых к порядку предъявления ходатайства в российский суд о признании иностранного судебного решения, а также на несостоятельность доводов истца о противоречии испрашиваемого признания публичному порядку. Несмотря на то что вышеупомянутые конвенции не содержат указаний на порядок признания и исполнения решений по банкротным спорам, для анализа соблюдения судом процессуальных и материальных аспектов их использование следует признать успешным.

Во-вторых, такое основание, как взаимность, в российской судебной практике традиционно применяется не проактивно, расширительно. Напротив, при ссылке на данное основание необходимо предъявить доказательства признания иностранным судом российских решений на регулярной основе. Подход российских судов можно проследить на примере дела «ВК Фэ-

¹⁵ Стрелкова И. И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 75.

¹⁶ Костин А. А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи: анализ российского и иностранного опыта // Закон. 2022. № 5. С. 75.

мили Прайвит Фаундейшн» (ПАО «Банк Санкт-Петербург») о признании решения суда Кюрасао о признании банкротом частного фонда «ВК Фэмили Прайвит Фаундейшн» на территории Российской Федерации¹⁷, в рамках которого суд установил наличие взаимности.

В-третьих, в последние годы порядок признания трансграничной несостоятельности, применяемый российскими судами, прежде исключительно территориальный, всё больше приобретает универсальные черты. Процесс

наблюдается с появления осторожной судебной практики до публикации определения Верховного Суда РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177, от публикации позиции Верховного Суда РФ до представления проекта соглашения Министерством экономического развития РФ.

В результате компаративистского анализа можно сделать вывод, что модель признания иностранных банкротств, универсальная для всех рассмотренных государств, состоит из следующих ключевых элементов (см. рисунок).

Универсальная модель признания иностранного банкротства¹⁸

¹⁷ В данном деле суд аргументировал взаимность следующим образом: «В Кюрасао сложилась устойчивая практика признания решений судов РФ, включая решения по делам о банкротстве. В частности, Верховный суд Нидерландов в г. Гааге, который является высшим судебным органом Кюрасао, решением от 26.09.2014 по делу № A56-42444/201513/04272 признал решение, вынесенное судом Черемушкинского района г. Москвы, решениями от 19.12.2008 по делу № 07/11447 и от 19.09.2013 по делу № 11/00860 были признаны решения о банкротстве по делу ПК «Юкос», вынесенные Арбитражным судом города Москвы» (определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.01.2016 по делу № A56-42444/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Диаграмма составлена автором по результатам исследования.

По итогам компаративистского анализа следует сделать вывод, что заключение специального многостороннего международного договора, регулирующего вопросы трансграничной несостоятельности, разумеется, позволило бы решить проблему неопределенности в признании иностранных банкротств, однако заключение универсального международного договора для стран различных правовых традиций и с региональными особенностями представляется еще более призрачной перспективой решения проблемы, нежели заключение двусторонних специальных соглашений. Причем причиной тому становятся вовсе не санкции и противоречия на мировой арене, а значительные отличия регулирования несостоятельности на территории разных стран: от качественных различий в понимании сущности и целей указанного института до значительных противоречий в выделении критериев компетентной юрисдикции и выборе модели правового регулирования. В этой связи на международном уровне регламентация трансграничной несостоятельности достигла существенных успехов в рамках региональных моделей правового регулирования, объединяющих страны, правовые традиции которых близки, а следовательно, возможность компромисса значительно выше. В связи с этим большие надежды внушает представленный Министерством экономического развития РФ проект соглашения о трансграничном банкротстве со странами СНГ, включивший как прошлые значительные наработки министерства в данной сфере на основе текста Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г., так и сходные черты правового регулирования стран постсоветского пространства.

Кроме того, представляется, что принятие исключительно одного международного соглашения без транспонирования ключевых положений в национальное законодательство не вполне эффективно, неслучайно наиболее успешной следует считать именно европейскую модель правового регулирования, нормы соглашений и регламентов которой подлежат транспонированию в национальное законодательство стран — участниц Европейского Союза. В этой

связи целесообразно вернуться к рассмотрению возможности закрепления на уровне национального законодательства Российской Федерации хотя бы минимального набора норм, регламентирующих вопросы трансграничной несостоятельности по отношению не только к российским должникам, но и к иностранным.

Для начала необходимо проанализировать обоснованность рисков, отмеченных некогда Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, нарушения публичного порядка Российской Федерации в результате принятия норм, предоставляющих возможность иностранным юрисдикциям вмешиваться в рассмотрение споров по делам о трансграничной несостоятельности российскими судами.

Следует отметить, что негативная реакция на представленный проект во многом обусловлена слишком резкими и значительными предлагаемыми изменениями. Кроме того, эксперты опасались, что включение положений о регулировании трансграничной несостоятельности может привести к возникновению острых экономических противоречий, перерастающих в противоречия интересов соответствующих государств, а следовательно, к риску нарушения публичного порядка Российской Федерации.

По первому доводу необходимо согласиться с позицией экспертов о том, что резкое и значительное изменение действующего законодательства может вызвать ряд негативных аспектов, таких как трудности для участия в процедуре несостоятельности российских кредиторов, увеличение количества случаев переноса в иную юрисдикцию центра основных интересов должника в целях исключить юрисдикцию российских судов, а также неэффективность использования модели параллельных производств. При этом за 14 лет ситуация в стране значительно изменилась. Ввиду сложившейся политической и международной обстановки рассмотрение споров о трансграничной несостоятельности в российских судах соответствует целям защиты прав отечественных должников и ответчиков, которые могут не получить надлежащей правовой защиты и удовлетворения своих интересов в иностранной юрисдикции. Кроме того,

включение в действующее законодательство норм, регулирующих вопросы трансграничной несостоятельности, способно, по мнению автора, привести к увеличению числа признаваемых за рубежом отечественных банкротств. Данный вывод подтверждается тем, что по итогам компаративистского анализа особенностей признания иностранных банкротств на территории зарубежных государств выявлена общая тенденция — при принятии решения судом о возможности признания проводится анализ не фактических аспектов дела о трансграничной несостоятельности, а соблюдения процессуальных аспектов, таких как юридическая сила решения, компетентность суда, предоставление и защита прав и гарантий участников процесса. Закрепление оснований юрисдикции российского суда в национальном законодательстве будет способствовать представлению иностранному суду обоснованной позиции в части наличия соответствующей юрисдикции.

Для оценки второго довода необходимо проанализировать особенности оговорки о публичном порядке в качестве защитного инструмента отечественного правопорядка.

Очевидно, что категория публичного порядка как не предусматривает блокировку применения правовых норм (только последствий), так и не включает в себя вопросы юрисдикционной компетенции.

В этой связи само принятие в рамках действующего законодательства новых норм, регулирующих вопросы трансграничной несостоятельности, не может нарушать публичного порядка, но регламентация практики по делам о трансграничной несостоятельности на уровне нормативного документа снизит гибкость и степень самостоятельности судов при рассмотрении такой категории споров.

Кроме того, нецелесообразно транспонирование большого числа норм из разработанного Министерством экономического развития РФ проекта, поскольку он, несомненно, предусматривает преференциальный режим для стран СНГ, который не может быть предоставлен всем без исключения зарубежным странам, тем более в условиях санкционного противостояния. В этой связи на уровне национального законо-

дательства для снижения рисков, возникающих в результате принятия жестких требований, необходимо отдельное закрепление в специальном нормативном правовом акте оговорки о публичном порядке, учитывающей специфику сферы несостоятельности, но закрепляющей универсальные пределы использования механизма.

Использование оговорки о публичном порядке возможно как на стадии инициирования трансграничной несостоятельности, определения процедуры удовлетворения интересов кредиторов и реструктуризации долга, рассмотрения обособленных споров в рамках трансграничной несостоятельности, так и непосредственно в разрезе института признания иностранного банкротства на территории иного государства. В зависимости от стадии, в рамках которой суд принимает решение о необходимости применения оговорки о публичном порядке, прослеживается разное целевое назначение данного механизма: защита прав кредиторов как наиболее слабой стороны, блокирование действия норм иностранного правопорядка, несовместимых с правопорядком, в рамках которого рассматривается спор или испрашивается признание, и нарушающих фундаментальные принципы, отказ в содействии и правовой помощи и иные цели.

Оговорка о публичном порядке не должна являться основанием для пересмотра судом дела или проверки правильности процесса: публичный порядок направлен исключительно на защиту неотъемлемых прав и гарантии прав должника, кредиторов и иных участвующих в деле о банкротстве лиц, а также на защиту основ экономического строя государства.

Таким образом, в результате сравнительного анализа выявлены особенности признания иностранных банкротств в различных странах, которые свидетельствуют о формировании индивидуальных моделей и практики решения данного вопроса с учетом правовых традиций и политических особенностей того или иного государства, не исключением стала и Российская Федерация. В регулировании признания иностранных банкротств в России всё еще присутствует множество проблемных аспектов, которые необходимо ко-

ренным образом проанализировать и урегулировать на нормативном уровне. С учетом опыта зарубежных стран следует сделать вывод о том, что урегулирование противоречий при разрешении споров о трансграничной несостоятельности в настоящий момент не эффективно ни в рамках двусторонних отношений государств, ни в рамках глобального международного взаимодействия. При этом отсутствие развитого правового регулирования на уровне государства имеет такие негативные последствия, как непоследовательная практика рассмотрения банкротных споров, осложненных иностранным элементом, на территории Российской Федерации, трудности при признании иностранных банкротств как в России, так и за рубежом.

В этой связи целесообразно внесение изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» касательно регулирования трансграничной несостоятельности. В частности, представляется наиболее актуальным нормативное закрепление возможности открытия на территории Российской Федерации производств

по делам о трансграничной несостоятельности в отношении активов, расположенных на территории Российской Федерации, и критериев, на основании которых будет определяться подсудность спора российскому суду. С учетом сложившейся практики предлагается включение таких критериев, как:

- принцип наиболее тесной связи;
- направленность деятельности иностранного должника на территорию Российской Федерации;
- экономическое присутствие.

Кроме того, следует уточнить категорию публичного порядка с учетом специфики сферы банкротных споров. Помимо этого, автор считает необходимым закрепить, что категория публичного порядка призвана обеспечить справедливый баланс интересов кредиторов и должника, что соответствует не только современным тенденциям трансформации отношений в сфере несостоятельности, но и отражает реальную ситуацию, в которой кредитор не всегда действительно выступает слабой стороной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахин С. В., Леонтьева Е. А. Международно-правовая унификация регулирования трансграничной несостоятельности // Журнал международного частного права. — 2001. — № 4 (34). — С. 15–42.
2. Дубинчин А. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 215 с.
3. Костин А. А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи: анализ российского и иностранного опыта // Закон. — 2022. — № 5. — С. 75–92.
4. Мохова Е. В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. — 2016. — № 5. — С. 137–149.
5. Рягузов А. А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 62 с.
6. Собина Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. — М. : Статут, 2012. — 236 с.
7. Andersen K. The cross-border insolvency paradigm: a defense of the modified universal approach considering the Japanese experiment // University of Pennsylvania Journal of Economic Law. — 2000. — No. 20.
8. Balz M. The European Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal. — 1996. — No. 70.
9. Bebchuk L., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // Journal of Law & Economics. — 1999. — Vol. 42.
10. Bufford S. L. Global Venue Controls Are Coming: A Reply to Professor LoPuck // American Bankruptcy Law Journal. — 2005. — No. 79.
11. Buxbaum H. Rethinking International Insolvency: The Neglected Choice-of-Law Rules and Theory // Stanford Journal of International Law. — 2000. — Vol. 36. — No. 23.

12. Fletcher I. F. International insolvency at the crossroads: a critical appraisal of current trends // Foundations and Perspectives of International Trade Law / I. F. Fletcher, L. Mistelis and M. Cremona (eds.). — London : Sweet & Maxwell, 2001.
13. Spigelman J. J. International commercial litigation: An Asian perspective // Australian Business Law Review. — 2007. — No. 10.
14. Virgós M., Garcimartin F. The EC Regulation on Insolvency Proceedings : A Practical Commentary. — The Hague: Kluwer Law International. — 2004. — 28 p.
15. Westbrook J. Theory and Pragmatism in Global Insolvencies: Choice of Law and Forum // American Bankruptcy Law Journal. — 1991. — No. 65.
16. Wood P. R. The Bankruptcy Ladder of Priorities // Business Law International. — 2013. — No. 14.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakhin S. V., Leonteva E. A. Mezhdunarodno-pravovaya unifikatsiya regulirovaniya transgranichnoy nesostoyatelnosti // Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava. — 2001. — № 4 (34). — S. 15–42.
2. Dubinchin A. A. Pravovoe regulirovanie nesostoyatelnosti (bankrotstva) yuridicheskogo litsa: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1999. — 215 s.
3. Kostin A. A. Priznanie inostrannykh resheniy ob otkrytii protsedury bankrotstva na osnovanii mezhdunarodnykh dogovorov o pravovoy pomoshchi: analiz rossiyskogo i inostrannogo opyta // Zakon. — 2022. — № 5. — S. 75–92.
4. Mokhova E. V. Transgranichnye bankrotstva za rubezhom i v Rossii: v poiskakh balansa mezhdunarodnogo i territorialnogo prava // Zakon. — 2016. — № 5. — S. 137–149.
5. Ryaguzov A. A. Pravovoe regulirovanie transgranichnoy nesostoyatelnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 62 s.
6. Sobina L. Yu. Priznanie inostrannykh bankrotstv v mezhdunarodnom chastnom prave. — M.: Statut, 2012. — 236 s.
7. Andersen K. The cross-border insolvency paradigm: a defense of the modified universal approach considering the Japanese experiment // University of Pennsylvania Journal of Economic Law. — 2000. — No. 20.
8. Balz M. The European Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal. — 1996. — No. 70.
9. Bebachuk L., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // Journal of Law & Economics. — 1999. — Vol. 42.
10. Bufford S. L. Global Venue Controls Are Coming: A Reply to Professor LoPuck // American Bankruptcy Law Journal. — 2005. — No. 79.
11. Buxbaum H. Rethinking International Insolvency: The Neglected Choice-of-Law Rules and Theory // Stanford Journal of International Law. — 2000. — Vol. 36. — No. 23.
12. Fletcher I. F. International insolvency at the crossroads: a critical appraisal of current trends // Foundations and Perspectives of International Trade Law / I. F. Fletcher, L. Mistelis and M. Cremona (eds.). — London: Sweet & Maxwell, 2001.
13. Spigelman J. J. International commercial litigation: An Asian perspective // Australian Business Law Review. — 2007. — No. 10.
14. Virgós M., Garcimartin F. The EC Regulation on Insolvency Proceedings: A Practical Commentary. — The Hague: Kluwer Law International. — 2004. — 28 p.
15. Westbrook J. Theory and Pragmatism in Global Insolvencies: Choice of Law and Forum // American Bankruptcy Law Journal. — 1991. — No. 65.
16. Wood P. R. The Bankruptcy Ladder of Priorities // Business Law International. — 2013. — No. 14.